

Дэн Рил

СИНТЕЗ

18+

Дэн Рил Синтез

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69317752

SelfPub; 2023

Аннотация

Энри пришел в себя в больничной палате и с удивлением обнаружил, что он и еще миллионы людей по всему миру проспали несколько лет своей жизни. Необычная эпидемия практически погубила человечество. Но молодому человеку повезло, он оказался в числе тех немногих, кто смог открыть глаза. Спасением стала возможность отключения механизма сна – Энри очнулся в мире, где все люди перестали спать. И теперь выжившие учатся жить в новой реальности, даже не подозревая, какую опасность на себя навлекли.

Содержание

1. Щелк	4
2. Повезло	8
3. Профессор	11
4. Я тоже это вижу	14
5. Дверь выхода	18
6. Автобус	20
7. Не стойте на пороге	26
8. Что тут все же происходит	30
9. Синтез	32
10. Конец света	35
11. Конструктор	42
12. Слепок	46

Дэн Рил

Синтез

1. Щелк

Холодно ногам. С этой простой мыслью я и проснулся в последний раз. Стянув одеяло вниз, я открыл веки, пытаюсь понять, где нахожусь. Перед глазами все плыло.

Тут на переднем плане возникло лицо незнакомой девушки. Коротко стриженная молодая брюнетка в белой форме. Медсестра. Что такого вчера произошло, из-за чего я оказался в больнице?

Оглянулся. Небольшая палата находилась в полумраке и была заставлена медицинским оборудованием. Бледно-бежевые стены, окно слева закрыто шторкой, напротив него располагалась открытая дверь с холодным светом из больничного коридора. Я снова взглянул на девушку. Она была явно обеспокоена и что-то прокричала в открытую дверь палаты. Но слышен бы лишь гул. Он давил на голову, из-за чего пришлось зажмуриться.

Вновь открыв глаза, я увидел перед собой уже трех человек. Та самая брюнетка смотрела на меня в упор вместе с седым высоким и худощавым мужчиной с мешками под глазами. Ему было за пятьдесят, в белом халате. Это доктор,

понял я. А позади этих двоих стоял молодой паренек в синей рубашке и что-то держал в руках. Это был очень старый профессиональный цифровой фотоаппарат. Он поднял его, посмотрел в видоискатель и нажал спусковую кнопку. Щелк.

– У нас нет протокола на раннее пробуждение, – это были слова доктора. Он запнулся, посмотрев на меня. – Энри? Вы меня слышите?

Его лицо заняло все окружающее пространство. Так близко к моему, что я в полной мере ощутил гнилой запах изо рта доктора.

– Не пытайтесь сейчас говорить, просто моргните два раза, если понимаете меня.

Поморщившись, я моргнул и услышал шуршание где-то слева над головой. Сразу не смог понять, но это за окном шел мелкий дождь. Его запах вместе со сквозняком из окна отвлекли меня от безуспешных попыток вспомнить, как я оказался в больнице.

– Энри, не волнуйтесь. С вами все в порядке, вы находитесь в региональном центре пробуждения 277, – доктор переключил внимание с меня на планшет, который ему передала медсестра, и пролистал пару экранов. – Да, он находится в вашем родном городе.

Щелк. Молодой человек сделал еще один кадр и молча вышел из палаты в коридор. Медсестра проводила его взглядом.

– Ц-ц... Цнтр? – каждая буква вызывала жгучую боль в

горле и груди.

– Энри, меня зовут доктор Ланк, и я не совсем тот, кто должен сейчас с вами разговаривать, – доктор отложил планшет на столик рядом с моей кроватью и, зажмурившись, потер переносицу. – Вы проснулись раньше, чем мы предполагали, и нужного специалиста сейчас нет в центре. Но я понимаю, что вас беспокоит множество вопросов, которые могут помешать крайне необходимому восстановлению сил. Поэтому я постараюсь объяснить, что с вами произошло, но для начала, пожалуйста, позвольте моей коллеге сделать несколько анализов и помочь вам с приемом пищи, хорошо?

Доктор вопросительно посмотрел на меня, в ответ я моргнул два раза.

– Прекрасно, я зайду через полчаса и все вам расскажу.

И, вернувшись, он рассказал мне, как я проспал три года вместе с еще двумястами миллионами людей по всему миру.

Казалось бы, похожая на летаргический энцефалит эпидемия не имела с ним ничего общего, была более агрессивной и распространилась фактически мгновенно по всей планете, убивая каждого второго заболевшего.

Человек начинал испытывать слабость, а потом просто спокойно засыпал. Дома, на рабочем месте, на остановке, ожидая автобус. И больше не просыпался.

О том, как вместе с экономикой разрушалась привычная жизнь, возник продовольственный кризис мирового масштаба и повсеместная паника, уносящая жизни не менее эффек-

тивно, чем сама болезнь, в красках рассказывали в дальнейшем местные медсестры и новостные сайты.

За все прошедшие годы не удалось даже типизировать заболевание, не говоря о том, чтобы найти причину и тем более лекарство. Но неожиданно помощь пришла откуда не ожидали. В нескольких странах обратили внимания на разработки частных фирм, работающих над «оптимизацией процесса сна» для повышения эффективности работы, увеличения таким способом продолжительности «осознанной» жизни и другим причинам.

Параллельным направлением исследований стало изучение возможности отказаться от необходимости спать вообще – необходимости сна как части жизнедеятельности организма. И такой способ нашли за полгода до того, как я проснулся. Доктор не стал вдаваться в подробности механизма «полной депривации сна», лишь сказал, что мне все объяснят в дальнейшем. Главное, что после коротких этапов испытаний эффективности началось пробуждение спящих. Переоборудованные административные здания городов, куда привозили спящих с начала эпидемии, были переименованы в центры пробуждения. В одном из таких центров я и пришел в себя.

Вот так за двадцать минут сбивчивой и сумбурной речи доктора я оказался в совершенно новом мире, где люди перестали спать.

2. Повезло

Последующие несколько дней были заняты программой реабилитации, привыканию к отсутствию желания спать и моими бесконечными расспросами о пропущенных событиях за последние три года.

Помимо лечебной физкультуры и кучи анализов были встречи с психологом, которого как раз не оказалось на месте во время моего пробуждения, а также десомнологом, который помогал адаптироваться к жизни без сна, объяснял, как у людей изменился распорядок дня и ночи, как теперь распределяются появившиеся дополнительные восемь-десять часов бодрствования в сутках, и давал советы на будущее, которое ждало за стенами центра.

Да, как оказалось, у организма все же осталась потребность отдыхать, но ко сну это не имело отношения и больше было похоже на перерыв – просто пару часов в сутки требовалось не заниматься тяжелым физическим трудом и деятельностью, требующей серьезной концентрации.

Помню, как мне тогда говорили, что я очень спокойно принял новую реальность. Многие, по словам медсестер, узнав о случившемся, о потерянных годах и часто своих близких, впадали в депрессию и замыкались в себе.

Тут, можно сказать, мне в некотором смысле повезло. Во-первых, конечно, это не свой собственный «умный летарги-

ческий этаж» в особняке на берегу моря, но отдельное помещение все же лучше общих палат на нижних уровнях центра пробуждения. В этих огромных залах, заставленных сотнями коек, далеко не всем удалось проспать столько лет, дожидаясь открытия «лекарства» от сна. Там, кстати, роль психологов досталась медсестрам и видео с краткой информацией о событиях в мире с набором буклетов по адаптации к новой жизни в нем.

Отдельная палата и индивидуальный подход был обеспечен пусть небольшим, но наследством семьи, которое фактически истощилось к моменту пробуждения. И это во-вторых – после прихода в себя мне не за кого было беспокоиться. Я пережил смерть родителей в автокатастрофе за год до начала эпидемии, в августе 2032 года.

В двадцать шесть лет я остался один, уволился из архитектурного бюро, где занимался дизайном интерьеров, и решил полностью перезагрузиться, слетав в десяток стран, которые мечтал посетить. Но этим планам не суждено было сбыться. Как оказалось, я вошел в первые тысячи заболевших, заснув во время ожидания своего вылета в аэропорту, до того, как был объявлен карантин и прекращено авиасообщение. Я так и не вспомнил этого момента, узнал о нем из своей медицинской карточки.

В итоге я проспал одну из самых страшных эпидемий в мире, о которой сейчас узнавал со слов персонала центра, из ознакомительных видео и постов в социальных сетях.

Поэтому после пробуждения на меня не давили воспоминания о бессонных ночах из-за страха уснуть навсегда, о поглощающей панике, когда ранним утром просыпаешься первым и не можешь точно знать проснутся ли все остальные члены семьи. Когда часами не можешь решиться разбудить любимого тебе человека, так как боишься, что он не отреагирует на твои попытки. Когда приходишь в ужас от простого обычного зевка в середине дня.

И я не испытывал клаустрофобии от строжайшей изоляции и не наблюдал из окна за людьми в костюмах химзащиты, выносящими пластиковые мешки из соседних домов. У меня просто не было привычного многим страха за судьбу человечества и ощущения полной безысходности, о которой рассказывали другие пациенты. В этом плане мне и правда «повезло».

3. Профессор

К моему пробуждению более трети населения планеты уже перестало спать, а девяносто процентов заболевших было разбужено. В центре пробуждения на моем этаже практически не осталось спящих, а на нижнем уровне находилась всего пара десятков человек.

Профессор был вторым пациентом, которого я встретил в центре. Первой оказалась невероятно ворчливая женщина из соседней палаты, не перестававшая жаловаться на все, что попадало в поле ее зрения. Но ее выписали буквально через день после моего пробуждения, что благотворно сказалось на моем этапе восстановления сил.

Айдан Скиг – профессор физики – был добродушным восьмидесятилетним дедушкой с пожелтевшими от табака усами и небольшой бородкой. Его палата находилась в дальней от входа части коридора нашего этажа. В старом темно-синем спортивном костюме он заглянул ко мне солнечным утром через первые сутки моего бодрствования, приоткрыв дверь палаты черной тростью, которую использовал из-за больной правой ноги.

– Прошу прощения, – он аккуратно постучал резиновой насадкой трости по краю двери. – Медсестры любезно мне сообщили о вашем пробуждении. Могу я войти?

Я вскинул голову, оторвавшись от планшета с подборкой

основных новостей за период пандемии.

– Да, конечно, добрый день, я Энри.

– А я профессор Скиг. Вижу, складываете кусочки мозаики, – прикрыв за собой дверь, профессор указал тростью на планшет. – Все «оттаявшие» через это проходят, восполняют пробелы.

– Оттаявшие?

– Так персонал называет проснувшихся, так как во время сна у всех заболевших снижена температура тела. Многим кажется, что грубо звучит, но я так не думаю, – профессор перевел взгляд вновь на планшет. – Невероятно, да?

– Пока у меня ощущение, что все это сон, – признался я.

– Я тоже так думал в первую неделю, – профессор похлопал по своему бедру. – Из-за ноги пришлось задержаться тут. Потом начал разбираться, в первую очередь в самом способе отказаться от сна.

– Да, я именно этим и занимаюсь прямо сейчас, – я отложил планшет и жестом предложил присесть на стул.

Профессор, прихрамывая, прошагал к стулу напротив моей кровати и аккуратно на него приземлился.

– Понимаете, в чем дело, не было сложности уничтожить сам механизм сна, та же фатальная семейная бессонница прекрасно с этим справлялась и до возникшей необходимости. Проблема заключалась в переносе функций анализа и регуляции различных систем организма, которые происходят, когда человек спит. Целый каскад задач на множестве

уровней, – профессор закивал сам себе. – И оказалось, что этим в мире уже не один год занимались сразу несколько нанотехнологических стартапов, пытаясь увеличить время бодрствования. В одном из них даже проходил этап испытаний на добровольцах. Компании впоследствии были объединены в холдинг с единым доступом ко всем наработкам. Им был предоставлен по сути бесконечный бюджет, а штат усилен крупнейшими экспертами в сфере. И вот сейчас в вашем и моем организме находится целый рой из нескольких типов нанитов, которые заняты тем, чтобы сохранить жизнь и здоровье организма в отсутствие сна. Невероятно.

4. Я тоже это вижу

Недельная программа реабилитации подходила к концу. Помимо лечебной физкультуры, общения с психологом и расспросов персонала центра, я успел пообщаться с еще несколькими пациентами, как на этаже, так и нижнем уровне.

И все мы были ошарашены известием о жизни без сна. Сам факт того, что теперь человеку не требуется проводить треть своей жизни по сути без сознания будоражил. Мы проснулись в мире, который не просто приходил в себя от страха полного вымирания, но стремительно менялся – общий распорядок дня, режимы работы и отдыха, трудовое законодательство, работа государственных сервисов и коммерческих компаний. У людей появились те дополнительные часы в сутках, о которых многие так часто, пусть в шутку, но говорили, и теперь нужно было продумать, как эффективнее всего распорядиться появившимся временем.

Но все изменилось за день до моей выписки – тогда появились первые звонки, что что-то не так. Медсестры активно начали шептаться, но замолкали, когда я проходил мимо. Я слышал настораживающие обрывки фраз про невозможность дозвониться до родных в других городах, военный транспорт на улицах и «странные аварии». Никто ничего не понимал, что создавало еще большее напряжение.

Зайдя к себе в палату, я попробовал посмотреть новости в сети, но не смог зайти ни на один сайт, интернет не работал, хотя качество связи было хорошим.

Вечером того же дня ко мне заглянул профессор. По привычке я выключил свет в палате, оставив работать прикроватную лампу – десомнолог советовала постепенно адаптировать организм к постоянному бодрствованию вне зависимости от циклов освещенности.

– Помнишь малыша из палаты около выхода с этажа? – профессор стоял в дверях моей палаты. – Уорф, да, так его звали.

– Да, конечно, его же выписали вчера?

– За ним и матерью, что была с ним после пробуждения, приехал отец. – Профессор присел на стул, рядом с больничной кроватью, на которой я собирал свои вещи для выписки. – Он учился у меня на кафедре. Посредственные результаты, но похвальная настойчивость. В дальнейшем Нэг начал работать в компании, которая выполняла заказы нескольких правительственных структур.

Профессор дрожащей рукой отложил трость и посмотрел на меня.

– Забирая сына, Нэг подбежал ко мне и сказал, что что-то происходит в больших городах. Что-то жуткое, данные противоречивы, но...

В этот момент в палату забежала сестра Ина, брюнетка, которая заметила, что я просыпаюсь раньше времени. Запы-

хавшаяся, она взглянула сперва на меня, после увидела в палате профессора.

– Вы оба тут! – выдохнула она. – Нам нужно срочно покинуть здание! Собирайте вещи, берите самое необходимое, нас эвакуируют.

– Кто эвакуирует? – профессор начал вставать со стула.

– Там автобусы на улице в сопровождении военных машин, нам ничего не объясняют! И телефоны совсем перестали работать, никому не дозвониться. Собирайтесь быстр...

Ина начала разворачиваться к выходу и в какой-то момент замерла. Точнее, ее часть тела замерла. А вторая часть – правая сторона – продолжила движение. Обе части объединяла масса тонких нитей крови, постепенно провисающих под собственной тяжестью по мере удаления правой половины в сторону коридора.

Часть медсестры двигалась, будто ничего не изменилось. Я не мог закричать, замерев от ужаса, и просто наблюдал, как продолжают работать органы девушки в абсолютно ровном срезе, как ниточки крови растягивались, как тесто, и капались пола, образуя на нем небольшие лужицы.

Так она и вышла из палаты, скрывшись за дверным проемом. Зазвучала аварийная сигнализация. Вместе с ней застывшая в палате половина тела рухнула на пол.

Я вскочил с кровати и посмотрел на побледневшего профессора. Часть крови медсестры попала на его трость и ботинки. Я окликнул его, но он никак не реагировал, уставив-

шись на тело на полу. Подойдя к профессору, я коснулся его плеча.

– Может быть, это все же сон, – задумчиво проговорил он, смотря на тело. – Может, это все просто последствия отсутствия сна и того, что я сейчас вижу, не существует?

– Я... я тоже это вижу, профессор.

Он оторвал взгляд от медсестры и странно посмотрел на меня, ничего не сказав. После чего встал, опершись на трость.

– Мне нужно успеть собрать вещи из своей палаты.

– Профессор, я не оставлю вас одного.

– Благодарен за беспокойство, Энри, но со мной все будет хорошо, встретимся внизу. Не будем терять времени и прислушаемся к тому, что сказала, – он запнулся, – сказала Ина. Возможно, внизу мы найдем тех, кто более осведомлен о том, что происходит.

С этими словами профессор выглянул из палаты и затем вышел.

Я надел кофту и начал собирать свой рюкзак, в который планировал сложить вещи перед выпиской, пытаюсь думать только о том, что необходимо взять с собой и не смотреть на пол.

5. Дверь выхода

Собрав свои вещи, я спешно вышел из палаты. Следы крови медсестры пропадали сразу за дверью. В дальнем от входа конце коридора в мою сторону, хромая, шел профессор. Он был чем-то обеспокоен и постоянно оборачивался назад, ускоряя шаг, насколько позволяла больная нога.

Тут я увидел, как за его спиной перестала работать одна из потолочных ламп. За ней отключилась вторая, а потом еще одна и еще. В полумраке коридора за профессором находилось какое-то... мельтешение. Периодически с разным интервалом из темноты вырывались массивные плоские геометрические фигуры. Фактически прозрачные, они врезались в неосвещенный коридор под самыми разными углами, рассекали его пространство, и окружающие предметы и мгновенно исчезали, оставляя на доли секунды едва заметное синеватое затенение. С каждым выключением новой лампы эта геометрия мгновенно смещалась вперед, закручиваясь в подобие спирали. Нагоняя профессора, объекты создавали черные идеально ровные глубокие раны, казалось, в самой реальности.

Когда профессор был от меня в пяти метрах, возникла огромная плоскость, грань которой рассекла целый ряд стульев в коридоре в нескольких шагах от того места, где стоял я. Здание затрясло, металлические ножки стульев звонко

упали на пол. Это и привело меня в чувство. Рванув в сторону профессора, я схватил его под руку и потянул к лестничной площадке слева от моей палаты.

Выбежав на лестницу, мы встретили несколько человек, спускающихся с третьего или четвертого этажа. Девушка, которую я до этого не видел, плакала, мужчина средних лет в форме сотрудника центра споткнулся и пролетел несколько ступенек, чуть не ударившись в стену, но мы с профессором практически синхронно поймали его. После чего начали спуск на нижний этаж, замыкая группу, так как профессору нужна была моя помощь для движения по лестнице.

Мы преодолели один пролет, когда здание опять затрясло, свет на площадке моргнул, я не устоял на ногах и думал, что сейчас упаду на ступени, но вместо этого врезался в дверь выхода, сильно ударившись об нее головой. Теперь уже профессор подхватил меня, после чего мы вышли в теплую июльскую ночь.

6. Автобус

Когда мы выбежали на улицу, мои мысли металась между попыткой понять, как мы мгновенно спустились на нижний этаж, и тем, что происходит вокруг здания. Рядом у входа стояли три старых автобуса, в которые забежали сотрудники центра вместе с пациентами, им помогали люди в военной форме. Автобусы освещались фарами пары армейских внедорожников и проблесковыми маячками скорой. Уличное освещение не работало.

В свете фар меня увидел доктор Ланк, обсуждавший что-то с человеком в военной форме. Доктор побежал к нам с профессором, но на полпути замер, смотря на что-то за нашими спинами. Кто-то направил прожектор на одном из внедорожников в сторону взгляда Ланка. Я обернулся.

Четырехэтажный центр рос на глазах. Каждую секунду здание менялось, на него со звуком, похожим на порхание крыльев громадной птицы, наслаивались фрагменты новых этажей. Тут и там появлялись огромные полупрозрачные плоскости – на порядки больше тех, что мы с профессором встретили в коридоре. Эти фигуры срезали часть конструкции, которую тут же заменял новый слой из других фрагментов центра.

Мое плечо схватила чья-то рука.

– Быстро в автобус! – прокричал военный, с которым раз-

говаривал доктор Ланк, когда мы вышли из центра. На вид ему было лет сорок, со шрамом на нижней губе и налитыми красным глазами.

– Нам приказано вывезти всех пробудившихся из города. В часе езды на севере и юге развернуты временные палаточные лагеря. Здесь оставаться опасно.

На улице уже практически никого не осталось, два из трех автобусов начали отъезжать, в открытых дверях третьего стоял доктор Ланк, ожидая нас.

Мы с военным взяли профессора под плечи и спешно направились к оставшемуся автобусу.

– Почему нас вывозят за город? – пыхтя, спросил я, когда мы практически добрались до транспорта.

– Деталей нет. Знаю только, что эвакуация проходит во всех крупных городах, – он взглянул на меня. – Подобное происходит повсюду.

Мы подбежали к дверям автобуса. За рулем была молодая девушка, в середине салона сидела еще одна женщина в белом халате и больших круглых очках с тонкой металлической оправой. На задних сиденьях разместилась пара студентов, вероятно, бывшие пациенты – испуганная девушка в веснушках и джинсовой куртке и обнимающий ее блондин в сером худи.

Девушка-водитель – невысокого роста брюнетка – жестом потребовала быстрее подняться по ступенькам.

Военный помог профессору зайти в салон, хлопнул меня

по плечу и, кивнув девушке-водителю, выбежал на улицу в сторону одного из внедорожников.

Мы прошли немного вглубь салона и сели по соседству с женщиной в очках. Я помог профессору усесться у окна, сам разместился рядом.

Двери автобуса закрылись, и он резко рванул с места.

– Вот это денек, да? – с усмешкой обратилась женщина в очках к нам с профессором. – Никогда бы не подумала, что меня попытаются убить гигантские фосфены. К такому не готовили на курсах повышения квалификации. Я Светлана, кстати, успела отработать аж целую неделю тут у вас до... всего этого!

– Фосфен, – медленно практически по буквам проговорил профессор. Я понял, что он впервые что-то сказал с того момента, как вышел из моей палаты.

Автобус резко свернул на шоссе в сторону выезда из города. С двух сторон дороги распростерлись поля, слева вдалеке облака освещали огни городского центра.

– О чем вы говорите? – обратился я к Светлане.

– Вряд ли вы слышали о том, что такое гипнагогия, – она демонстративно вздохнула и развернулась в нашу сторону, стараясь усесться поудобнее, чему мешала обтягивающая деловая юбка. – Это пограничное состояние между сном и явью. И в нем люди видят гипнагогические галлюцинации, одной из разновидностей которых являются различные линии и геометрические фигуры – фосфены. Треть людей ви-

дят их во время засыпания, вот прямо такие синеватые зеленые фигуры и пятна. Но не разрушающие целое здание в гребаной, мать ее, реальности!

Женщина хохотнула.

– Как... как объяснить происходящее, спросите вы, – еле сдерживая смех, она развела руки в стороны. – Понятия не имею! За... за исключением варианта, что вас всех не существует и это все мне просто снится!

– Что это? – удивленно спросил доктор Ланк, прошедший по салону к месту водителя.

Я подтянулся к нему с водителем. В нескольких десятках метрах впереди на неосвященной дороге были видны огни двух других автобусов. И на нас сверху что-то приближалось.

– Какого... – протянула девушка за рулем. – Держитесь!

Первый автобус начал сворачивать с дороги. На половине пути в свете его фар возник какой-то «шум», падающий под крутым углом прямо на нашу колонну.

Это было наложение из смеси геометрических плоскостей и элементов самолета, пересекающих друг друга под самыми разными углами. Я успел разглядеть по меньшей мере семь крыльев и несколько двигателей. Элементы этой поразительной абстрактной конструкции находились в постоянном движении – каждый в свою сторону и под своим углом. Плавность их вращения прерывалась чем-то наподобие тика, резким сдвигом, мгновенно заменяющим часть объектов.

Одно из крыльев разнесло первый автобус по разным сто-

ронам дороги. Возникла вспышка, осветившая всплеск появившихся в конструкции десятков небольших копий крыла. В центре этого хаоса проявились очертания кабины авиалайнера.

«Шум» своей кабиной направлялся прямо в сторону второго автобуса, который отчаянно пытался затормозить. Но это было бесполезно. Я понял, что сейчас автобус, проскользив по асфальту, въедет в конструкцию, мы последуем его примеру, и ночь озарится взрывами бензина и авиационного топлива.

Я наблюдал, как кабину самолета начинает, как бумагу, разрывать мчащаяся машина, но тут что-то произошло. Второй автобус продолжил движение вперед. И мы продолжили следовать за ним. Вокруг больше не было ночного шоссе, мы двигались в плохо освещенном тоннеле. Точнее, это был салон самолета и одновременно тоннель. Не просто смесь деталей интерьера авиалайнера и подземной конструкции. Это было в прямом смысле два пространства в одном.

Смотря в окна, я пытался отделить одну сущность от другой, но все вокруг начинало расплываться, а меня попросту стало мутить, это было невозможно воспринимать по отдельности, как бы ни пытался.

Я успел заметить, что автобуса впереди нас уже не было, зато появилось множество стоящих в тоннеле машин, на которые мы неслись. В этот же момент меня с Ланком кинуло вперед – девушка-водитель, придя в себя от случившегося,

резко нажала на тормоз.

7. Не стойте на пороге

Когда автобус остановился, я обернулся посмотреть, все ли в порядке, но не обнаружил пару на задних сиденьях, как и самих сидений – половину автобуса отсекала ровная бетонная стена. Но с самим тоннелем теперь все было в порядке. Если можно в этой ситуации подобное сказать. Никаких превращений в салон самолета и головных болей больше не было.

– Да что происходит? – доктор Ланк встал на ноги и схватился двумя руками за волосы. – Этого всего не может быть! Не может быть. Мне нужно выйти отсюда!

С этими словами он начал ломиться в переднюю дверь выхода из автобуса.

– Выпустите меня! Мне нужно выйти отсюда!

Доктор рванул к панели у водительского кресла и, не дожидаясь реакции девушки за рулем, нажал кнопку открытия дверей. Они еще не успели открыться, но Ланк протиснулся в проход, сделал шаг к выходу и, закричав, соскользнул вниз. Мы вместе с водителем бросились к доктору. Ланк двумя руками держался за ступеньку автобуса, под которым больше не было асфальта.

Доктор повис между лестничными маршами подъезда какого-то старого многоэтажного дома. Не меньше девяти этажей. Старая облупившаяся краска бледно-синих стен, у ча-

сти лестниц отсутствовали ступени, а некоторых лестниц вообще не было.

– Держите меня! Держите! – у доктора сорвалась одна рука, и теперь он висел только на второй.

Я схватил его за врачебный халат, как кота за холку, начав тянуть обратно в салон автобуса.

– Голубчики, ну наконец-то! – раздался незнакомый голос за спиной. – Я уже заждалась, вы проходите, проходите, не стойте на пороге.

Вместе с девушкой мы втащили доктора в салон, и я незаметно для себя протянул руку к ручке обычной входной двери, которая стояла открытой на месте автобусных дверей. Старая обивка коричневого цвета, дверной глазок и пара древних замков.

Ланк оставался лежать на полу, а мы с девушкой синхронно обернулись.

Практически весь салон автобуса «размылся», вплетаясь в освещенную теплыми солнечными лучами прихожую и кухню старой панельной многоэтажки.

Это очень странное ощущение, во сне такие переходы между совершенно разными местами кажутся естественными, их и не замечаешь вовсе. Но тут, сейчас, все мы прекрасно понимали всю парадоксальность происходящего.

Я наблюдал, как краска салона автобуса растворяется в затертом паркете пола квартиры, как этот паркет раскалывают ввинченные в него болты крепления автобусных сидений.

Металлические поручни, как лианы, изгибаются вдоль стены и становятся трубами системы отопления и водоснабжения, примыкая к батарее под окном и кухонной мойке.

Пожилая женщина в зеленом фартуке и бордовом платке на голове суежилась на кухне, снимая с газовой плиты большую кастрюлю. Она поставила ее на деревянную разделочную доску в центре небольшого обеденного стола и вытерла руки о фартук. Вокруг воздух заполнился густым запахом щей.

– Ну вот и обед уже готов, руки только помойте, перед тем как за стол сесть, – старушка начала расставлять тарелки на стол.

– Б... бабушка, – прошептал глядя в пол Ланк. – Бабушка. Но, она, казалось, не слышала его, продолжая расставлять посуду и столовые приборы.

Доктор медленно поднялся на ноги, смотря в пол. Правую руку он засунул в карман своего халата.

– Нет... Нет! Мне нужно проснуться, проснуться!

С этими словами Ланк бросился в сторону стоящей рядом с ним девушки. Только сейчас я увидел в его правой руке лезвие скальпеля, ровно перед тем, как оно вошло в левый бок девушки.

– Нужно проснуться!

Доктор выдернул скальпель из падающей на колени девушки, пытающейся остановить хлынувшую из раны кровь.

Я не успел опомниться, как Ланк оказался рядом и, схва-

тив меня за волосы, швырнул в стену. В голове помутнело, я понял, что теряю сознание. Все замедлилось. Старушка как ни в чем не бывало разливала щи большой поварешкой, профессор пытался остановить у девушки кровь, скальпель Ланка, направленный в мою сторону, и неожиданно появившаяся за спиной доктора Светлана с чем-то длинным и увесистым в руке.

8. Что тут все же происходит

Первое, что я увидел, придя в себя, был потолок автобуса. А где кухня? И после этой мысли меня накрыло воспоминанием о Ланке и девушке в крови.

Постанывая, я приподнялся с двух сидений, на которых лежал. Дотронулся рукой до раскальвающейся от боли головы и нащупал ткань повязки. Касание ее пальцами отдалось жжением несколько выше виска, на пальцах остались красные следы.

Ко мне подбежала Светлана, а за ней и профессор.

– Так, спокойнее, красавчик, – Светлана одной рукой подхватила меня за локоть, а вторую приложила к щеке, потому что меня повело в сторону прохода между рядами.

– Как она? – выдохнул я.

– Нельзя было спасти, – женщина посмотрела куда-то сквозь меня. – Слишком много крови потеряла.

Я зажмурил глаза, понимая, что никто даже не знал ее имени.

– А он?

– Мертв, – раздался голос профессора. Светлана отвернулась. – Положили их в дальней части салона. Все вернулось обратно, как только Светлана... спасла тебя.

Профессор бросил взгляд в сторону соседнего кресла; вытянув шею, я заметил лежащую там монтировку.

– Мы все еще в тоннеле?

– Именно, и мы, похоже, тут застряли, – профессор указал тростью в сторону дверей у водительского места. – Тоннель заканчивается через пару десятков метров ровной стеной, ее видно прямо отсюда в свете фар. Такая же прямо за нами.

– И какой у нас план?

– Для начала давайте просто выдохнем и подумаем, что тут все же происходит, – Светлана посмотрела на свою руку, на пальцах которой остались следы крови от моей раны.

9. Синтез

Концепция коллективного сновидения, последствия интоксикации из-за сбоя работы нанороботов и еще десяток вариантов профессор со Светланой отмели практически сразу.

– О! А как насчет варианта больцмановского мозга, самовозникшего на базе сети наноботов внутри нас? – Светлана шагала по салону, активно жестикулируя. – Галлюцинации которого мы коллективно и воспринимаем!

– Зачем мы спим, доктор Ванг? – смотря перед собой, спросил профессор со своего места.

– В смысле зачем? – Светлана остановилась и посмотрела на него, пытаясь понять серьезность вопроса. – Ровно для всех тех задач, которые сейчас решает рой, иначе наш организм бы просто не выжил!

– А если мы все это время неправильно воспринимали саму необходимость сна? – профессор посмотрел на нас со Светланой. – Раньше организм погибал из-за отсутствия сна. Что если это не просто последствие сбоев регуляции работы внутренних органов и других систем, что если сами сбои – это система защиты? Что если сон не позволял появиться... всему этому. И мы, пытаясь спастись от одной катастрофы, навлекли на себя опасность совершенно иного рода, опасность, за защиту от которой платили третью своей жизни на протяжении всего существования человечества.

На несколько секунд в салоне стало очень тихо... Мы обдумывали сказанное.

– Он хотел выбраться отсюда, – Светлана посмотрела по сторонам. – Хотел оказаться в безопасном месте. И мы оказались в доме его бабушки. Это он его создал.

– Фосфены были началом процесса, – профессор обратился к Светлане. – Бессознательные образы. Но потом...

– Потом реальность стала меняться, – закончила за него Светлана. – Неосознанно, но мы начали ее менять.

– Тот военный у центра. Он сказал, что это происходит повсюду, – вспомнил я.

– Говорилось про большие города, – профессор возбужденно встал с сиденья, копаясь рукой в своей бороде. – Может быть, материализация образов, синтез образов в нашей реальности каким-то образом связан с большой концентрацией неспящих в одном месте. А это значит, что в данном месте порожденные людьми явления начнут сталкиваться друг с другом, хаотично изменяя действительность и разрывая ее в конечном счете на части.

– Но почему именно сейчас? – Светлана вопросительно посмотрела на профессора. – И если есть какое-то пороговое значение в виде количества неспящих, после преодоления которого начинает происходить все это, то каков механизм контроля этого процесса, как это вообще может происходить на уровне всего населения Земли?

– У меня пока нет идей на этот счет, – профессор медлен-

но присел обратно на сиденье.

Что-то произошло. Мы синхронно посмотрели в окна.

– Вы тоже это видели? – спросил я.

– Стены тоннеля, – Светлана вглядывалась в окно. – Мне показалось, что они исчезли.

Только она закончила фразу, как все окружение вновь мигнуло и тоннель пропал.

Я хотел высказать догадку, которая возникла во время обсуждения квартиры бабушки Ланка – о том, что кто-то создал этот тоннель, возможно, спасаясь в другом автобусе от столкновения с самолетом. Но все мысли разом вылетели из головы, когда я увидел, что скрывали стены.

10. Конец света

Мы снова оказались на шоссе, окруженном с двух сторон полями. Внедорожников, следовавших за нами, нигде не было. Разбросанные части первого автобуса, который был разбит крылом самолета, тлели у правого края дороги. Но на этом сходство с прошлой картиной заканчивалось.

Слева от нас, там, где за полем располагался городской центр, облака в небе окрашивались вспышками алого цвета. Город искажался. В разных его частях, как плесень, разрастались аномалии. Здания наслаивались друг на друга, постоянно возникая и исчезая, фрагменты городской инфраструктуры под разными углами лезли на постройки. Слева от города неожиданно появился массивный железнодорожный мост. По нему проехал скоростной поезд, врезавшись в одно из зданий. Во вспышке взрывов вокруг моста появился лабиринт из фрагментов железнодорожного перехода, устремившись высоко вверх за облака.

Пока я наблюдал за одним событием, возникали десятки новых. И это только то, что можно было разглядеть на таком расстоянии.

Над городом появились огромные веретенообразные конструкции из черного глянцевого материала. Из их центра во все стороны стали исходить лучи голубого света. Несколько истребителей начали атаковать эти «корабли». Десятки по-

хожих на драконов существ спустились из красных вспышек в облаках и напали в ответ на истребители, каким-то образом умудряясь хватать их когтями и разрывать на части.

Один из «кораблей» что-то сбило, и он рассыпался на множество светящихся розовым кристаллов. Падая на землю, они разделялись на все более мелкие части.

Высоко над сверкающими облаками все вокруг озарила вспышка белого света, и я готов поклясться, что в ней видел очертания гиганта, проходящего где-то за городской чертой.

– Добро пожаловать в онейроидный конец света! – прокричала Светлана.

Земля вокруг задрожала, автобус, скрипя, начал шататься из стороны в сторону. Мы схватились за поручни, профессор не удержался и повалился на сиденья. Боясь, что автобус сейчас перевернется, мы спешно начали выбираться из салона.

Шагнув на мокрый асфальт, я почувствовал, как наэлектризован воздух вокруг.

– Смотрите! Там, на поле! – Светлана, пригибаясь, прошла немного вперед, обходя автобус. – Кажется, оно разрастается.

Вместе с профессором мы посмотрели в сторону, куда она указывала пальцем. В дальней части поля что-то происходило.

Небольшие лучики света хаотично прыгали во все стороны по всей протяженности поля, на сколько хватало взгляда.

Это были люди. Они бежали из города. Группы по несколько человек, пары и одиночки спасались от кошмара наяву. Все были без машин, мотоциклов или какого-то транспорта.

В различных частях поля стали возникать дрожания. Вдалеке слева часть лучей от фонарей мгновенно пропала. Справа слышались звуки выстрелов. В той же стороне из-под земли с грохотом выросло несколько конструкций – парадоксальная смесь из шахты лифта без двух стен, какого-то большого ангара и лиан с прыгающими по ним кричащими обезьянами.

Еще правее раздался оглушающий рев неизвестного животного. Он и вывел нас из оцепенения. Профессор растерянно посмотрел на меня.

– Нам от этого не убежать, – он отвернулся от происходящего и посмотрел в сторону второго поля. – Бежать просто некуда.

Мы со Светланой также повернулись и увидели еле заметные вспышки алого света на горизонте в той стороне.

Поднялся сильный ветер. Объем искажений начал увеличиваться, они принялись ускоряться. Поле слева стало разрываться на части. В прямом смысле – целые пласты земли исчезали, вскрывая лавовые потоки, обрастающие канализационными коммуникациями и фантастической обшивкой инопланетных космических кораблей в окружении врезавшегося в этот бред оборудования плавильных цехов. Многочисленные здания самых разных архитектурных стилей вылез-

ли из-под земли или просто появлялись в пространстве. Их несущие стены исчезали и заменялись новыми версиями, которые в свою очередь перекрывались следующими слоями различных материалов, разрывая предыдущие детали окружения. В небе появились многокилометровые автомагистрали, казалось, без каких-либо опор застывшие в пространстве. Автомобили вылетали с них в реки лавы. Из последовавших за этим огненных взрывов выходили демонического вида существа, нападая на всех, кто попадался им на пути.

Все это сопровождалось грохотом разрушений, скрежетом металла, криками и плачем в ароматах цветов и фруктов, вони болота, горящих покрышек и еще множества других перебивающих друг друга запахов, врезающихся в мозг и затуманивающих сознание.

Закашлявшись, прикрывая носы рукавами, мы наблюдали за происходящим из-за переднего крыла автобуса. Втроем мы понимали, что через несколько секунд весь этот кошмарный калейдоскоп накроет нас и просто раздавит, как и все вокруг. Профессор, казалось, смирился с этим, он присел, опершись спиной о колесо и вытянув вперед больную ногу, что-то бормотал себе под нос. Светлана же с каким-то нездоровым восхищением разглядывала происходящее.

И во всем этом хаосе, в этом разрывающемся на части окружении мой взгляд привлекло что-то странное в своей обыденности. Это был человек. Он не бежал, не прятался, не кричал от ужаса и отчаяния, как другие вокруг. Человек шел

как ни в чем не бывало, как будто просто вышел на прогулку. Точнее, на экскурсию, ведь он фотографировал. На большой и старый цифровой фотоаппарат. Даже с такого расстояния я сразу узнал его. Паренек был во все той же синей рубашке, в которой я впервые его увидел за спинами медсестры и доктора, когда приходил в себя после сна.

Он шел по шоссе в нашу сторону, рассматривая происходящее вокруг, и периодически останавливался, чтобы сделать очередной кадр. В какой-то момент недалеко от него обвалилась часть здания, которую разрушил упавший строительный кран. Обломки, казалось, сейчас раздавят фотографа, но, услышав звук обрушения, он поднял голову вместе с фотоаппаратом и нажал на спусковую кнопку. Зажглась вспышка, и пространство вокруг вмиг изменилось. Падающие обломки здания исчезли, вместо них возникла странная конструкция из дорожного полотна и фрагмента пожарной машины, которую паренек успел сфотографировать, когда я его заметил на дороге.

– Он создает реальность, а не фиксирует ее, – произнес я.

События вокруг стали наслаиваться друг на друга, парадоксально перетекая одно в другое. Трава на поле превращалась в каменное полотно, перетекающее в белый песок, становящийся зеркалом. Дома сливались в странные конструкции, из которых вырастали деревья, огромные предметы мебели и теплоходы с телебашнями, выворачивающиеся наизнанку, чтобы превратиться во что-то еще.

Тут асфальт под нашими ногами начал вибрировать. Все вокруг, включая корпус автобуса, стало каким-то... вязким. Не от жары, нет, менялось свойство материала.

Воспоминание доктора, фотограф, изменяющий реальность, и вот теперь этот жидкий корпус автобуса. Все эти события стали переплетаться, превращаться во что-то, как и реальность вокруг. И я завис с этой мыслью, закрыв глаза.

Я перенесся в годы своей юности. Во время начала увлечения дизайном интерьеров и изучения 3D-технологий.

Первое и самое очевидное, что обычно все создают на старте изучения редакторов трехмерной графики, – это интерьер своей же комнаты. Такой создал и я. Хотя это было больше похоже на пародию на интерьер. С растянутыми и размытыми текстурами, слишком толстыми стенами и несоответствием высоты окна и потолка. Но это была моя комната.

После этого я начал экспериментировать с материалами. Тогда удивлялся мгновенному изменению сути объекта из-за появления у него новой фактуры, изменения свойств отражений и преломлений.

И когда я открыл глаза, именно в этой самой комнате мы все с профессором, Светланой и целым автобусом оказались. Все звуки конца света исчезли, вокруг была абсолютная тишина.

– Что... что это? – Светлана, ошарашенно оглядываясь вокруг, помогла подняться профессору.

– Это начало, – касаясь абсолютно гладкой и холодной стены, ответил ей я.

11. Конструктор

И это было начало долгого пути. Около двух лет у нас ушло на то, чтобы научиться создавать и удерживать «синтезируемую реальность», как назвал ее впоследствии профессор. Пространство, в котором мы закрылись от внешнего мира.

Сперва это была моя комната. Как в том самом трехмерном редакторе из детства, такая же неказистая. Но, разбираясь в своих возможностях, я постепенно улучшал отдельные детали обстановки. Это пространство стало своего рода тестовой площадкой.

Я воспринимал создание окружения как своеобразный виртуальный конструктор, но только не трехмерных сцен, а реальности. Думаю, именно эта всплывшая в памяти ассоциация и помогла мне создать наше убежище. Я перенес понимание работы инструментов редактирования на процесс создания и модификации окружающего пространства, как если бы это была обычная работа с библиотекой трехмерных объектов. Здесь я учился формировать различные предметы, элементы интерьера, даже нашу одежду.

Постепенно в этом процессе ко мне присоединились сперва Светлана, а после и профессор. Мы сформировали несколько сцен нашего прошлого – в дальнейшем стали называть их «слепокми», – объединив друг с другом.

В начале нам казалось, что мы просто заняли своими образами часть пространства внешнего мира, и все время ждали, что кто-то ворвется к нам извне. Может, кто-то из выживших, ведь они точно должны были быть. Тот же фотограф, к примеру. Но этого не происходило. Тогда профессор предположил, что дело в том, что мы каким-то образом создаем реальность внутри созданной реальности и можем так расширять площадь без изменения изначального объема во внешнем мире.

Мы это смогли не раз подтвердить, так как первый год нас периодически выбрасывало в то, что можно было назвать реальным миром. Точнее, то, чем он стал.

Мир вовне «зарос» массой объектов, созданных бодрствующими во время конца света. Бесконечные образы наслаивались множество раз друг на друга до такой степени, что потерялась изначальная форма каждого объекта. Все превратилось в сплошную плотную однородную серую структуру. Планета покрылась чем-то напоминающим кокон в десятки метров толщиной с редкими трещинами и пустотами в них. В одну из таких пустот нас и выкинуло однажды. В дальнейшем профессор настоял на нескольких экспедициях вовне, из них мы и получили представления о том, где находимся.

Похоже, пустотами в коконе были как раз места, созданные людьми во время спасения в своих реальностях. И размер нашей трещины был примерно с автобус длиной и шириной. Сюда бы не поместилось все то пространство, что мы

насоздавали к тому времени.

Чем больше мы понимали реальное положение дел, тем меньше хотелось выбираться наружу. Но и без этого выход вовне стал бы со временем невозможен. С каждой новой вылазкой мы замечали, что на Земле все тяжелее было дышать. Атмосфера разредилась, было понятно, что планета умирает. Именно тогда мы решили окончательно уйти в свою реальность и больше никогда не поднимали тему внешнего мира.

Мы продолжили изучать возможности создания окружения. Кстати, с едой в этом плане отдельная история. Сперва не было уверенности, что созданное вообще можно есть. Но и вариантов каких-то не было, так как голод пришел быстро. Хотя профессор предположил, что «тут» во вложениях есть нам может и не требоваться вовсе, никто тогда не решил дойти до состояния голодной смерти, чтобы проверить это.

В итоге на вкус все оказывалось ровно таким, как и представлялось. Только относилось это к продуктам, что мы когда-то пробовали. Когда Светлана попросила создать плоды лонгана, которые я никогда не ел, на выходе получалась безвкусная масса, напоминающая виноград, и только потому что я где-то слышал такое сравнение.

И мы так до конца не разобрались, как это работает. Например, я смог создать планшет, который прекрасно функционировал, в нем работали приложения, мы разобрали его и обнаружили внутри все те детали, которые там должны

быть, но я не специалист в микроэлектронике. Профессор со Светланой много спорили об этом, в итоге остановились на том, что и существующее понимание механизма работы памяти людей об объектах и событиях весьма ошибочно.

12. Слепок

Мы выработали систему каталогизации наших миров. Она похожа на структуру классической файловой системы в компьютерах. Иерархия из веток созданных реальностей внутри созданных реальностей, карту которых мы разместили в отдельном мире-карте.

Мы создавали родные места из наших жизней, фантастические инопланетные миры, про которые читали или смотрели когда-то книги и фильмы или просто фантазировали о них, миры с иными законами физики. Все, что могли представить и что помещалось в сферу диаметром шесть километров. Это был предельный объем отдельного мира – профессор определил его, последовательно создав серию сцен, состоящих из все большего размера фуллеритового куба, по одной из плоскостей которого мы обычно прогуливались, пока профессор делал пометки о ходе эксперимента.

И эксперименты продолжались, единственное, чего мы долго сторонились, это попытка воспроизвести людей. Не события с ними, как то объемное «кино», в которое иногда погружались, не просто фантазии, а вернуть их к жизни. Мы не сговаривались, но, похоже, каждый из нас просто боялся того, что может получиться в итоге.

И через полтора года после конца света я встретился со своими родителями. Но это оказались не они, не самостоя-

тельные личности, обладающие сознанием, а лишь образы, какими я их запомнил. Это было видно в их поведении, в реакции на окружение – просто оболочки. Я их стер и больше не пытался сделать подобное.

Где-то еще через пару лет я создал этот слепок с воспоминаниями о пробуждении и последних днях старого нового мира. Не знаю даже зачем. Может, чтобы просто не забыть, как это было в действительности. Тем более мы практически не общаемся об этом со Светланой и профессором.

Да и в целом мало общаемся. Светлана погрузилась в постоянные переживания одного из периодов своей студенческой жизни, пытаясь воссоздать все до мельчайших подробностей события и обстановку того времени. Она сама призналась, что так ей проще переживать то, что происходит вокруг. Но сейчас это, кажется, вышло из-под контроля – Светлана помешалась на точности слепка. Ее постоянно что-то не устраивает, будь то динамика пылинок в воздухе или уровень влажности в определенный момент вдоха.

А профессор... профессор находится в своем мире математических абстракций, пытаясь разобраться в причинах произошедшего с человечеством. Он перестал считать случившееся катастрофической случайностью и выстраивает модель естественного перехода человека на новую ступень существования. И в этой модели он объясняет и парадокс Ферми, и огромные пустые части космического пространства, и еще несколько открытых вопросов в космологии.

Точнее, пытается объяснить и увязать в одну модель.

Что касается меня, то в одно время я начал задаваться вопросом о подлинности окружения. Та обстановка и предметы из прошлого мира – это именно «те» объекты или только аналоги, прогнанные через фильтр моего восприятия и искаженные им? Овощи, что я ел недавно, имеют именно тот вкус и запах, что был там, вовне?

Иногда меня посещали мысли о реальности самого профессора и Светланы. Это действительно «они» или такая же часть окружения, порожденная моим сознанием, как и все остальное вокруг? Я понял, что начинаю сходить с ума, ставя все, что вокруг происходит под сомнение, заикливаясь на этом, как Светлана на своем воспоминании. Нужно было найти смысл в происходящем.

У всего произошедшего должна же быть какая-то цель. Задумавшись об этом, я погрузился с головой в более глубокое изучение наших возможностей, в исследование их границ в надежде за счет этого понять их предназначение.

И за последующие годы я создал и разрушил тысячи миров, играя с пространством и временем. Выворачивал реальность наизнанку, вкладывая одну в другую, в попытке достигнуть хоть какого-то предела. И за это время даже близко не приблизился к пониманию происходящего.

Тогда меня начали беспокоить сомнения иного рода. Что если профессор – реальный он или нет – прав в своей теории перехода? Пусть он был неизбежен для человечества.

Но ведь случился этот переход не естественным путем и настолько рано, что мы, те остатки популяции, что теперь ютятся в своих реальностях, просто не можем сделать шаг вперед, выбравшись из шестикилометровой фрактальной скорлупы во что-то, что даже не способны осознать, потому что оказались не готовы к подобному. И теперь, имея возможности управлять самой реальностью, мы уперлись в ограниченность нашего восприятия, нашего понимания устройства действительности, чтобы двигаться дальше.

Не знаю, прав ли я или нет в своих опасениях, но не собираюсь останавливаться. И я вернулся в слепок истории о конце света, чтобы использовать его как своеобразный дневник, тут я буду фиксировать все свои дальнейшие попытки пробиться к истине, гоня мысли о возможной тщетности этих попыток. Ведь при всем всесилиии, ограниченном нашим мозгом, больше мне ничего не остается.